

А. В. Доронин

«СКАЗАНИЕ О СЛОВЕНЕ И РУСЕ» —
ПЕРВЫЙ НАРРАТИВ РАННЕМОДЕРНОЙ
МОСКВОРУССКОЙ НАЦИИ:
ОПЫТ НОВОГО ПРОЧТЕНИЯ

Резюме

Созданное в 1630-е гг. Сказание о Словене и Русе, освещающее древность руси от Потопа до призвания Рюриковичей, — центральный, притом неудовлетворительно изученный памятник российского историописания первой половины XVII в. Он не просто выбивается из русской летописной традиции, но чужероден ей. В его фокусе этнокультурные, а не династические / государственные истоки руси — начала народа русь, а не государства Русь. Новгородоцентричный, он оппонирует киеворусскому нарративу. Сказание — компиляция заемных сюжетов из синхронизированной Ренессансом европейской древности — предлагает (московской) руси новую точку отсчета ее истории и новые вехи, корректирует линии ее преемственности, вступая в противоречие с изоляционистским трендом «древнерусской традиции». Толчком к его созданию послужила Смута, заставившая московскую русь задуматься о своем месте в новой Европе. Сказание рассмотрено здесь в общеевропейском идейном и культурном контексте как первый раннеמודерный национальный нарратив московской руси.

Ключевые слова: Сказание о Словене и Русе, русь, древность, Скиф и Зардан, Словен и Рус, раннее Новое время, раннеמודерный нациогенез, ветхозаветные генеалогии, универсальные и гентильные исторические парадигмы, исторические нарративы, российская историография.

THE TALE OF SLOVEN AND RUS AS THE FIRST NARRATIVE OF THE EARLY MODERN MUSCOVITE RUSSIAN NATION: A NEW APPROACH TO THE INTERPRETATION OF THE TALE

Abstract

Created in the 1630s, the legend of Sloven and Rus illuminates the early history of Rus' from the Great Flood to the invitation of Rurik. Although this tale is one of the principal pieces of Russian historical writing from the first half of the 17th century, I suggest that it remains misunderstood. It not only stands out from the Old Russian chronicle tradition but is also alien to it. The legend is concerned with the ethno-cultural rather than the dynastic or state origins of Rus', the beginnings of the Rus' people rather than the Rus' state. Focused on Novgorod, it opposes the Kievan Rus' narrative. The legend is a compilation of borrowed stories about European antiquity synchronized by Renaissance humanists. *The Tale of Sloven and Rus* offered Muscovite Rus' a new starting point and set new milestones for its history, adjusted its branches of succession to European ancestry, and in this way opposed the isolationist trend of the "Old Russian tradition". The Time of Troubles (*Smuta*), which compelled Muscovite Russia to think about its place in the new Europe, was the very impetus for the creation of this legend. The article considers the legend as the first early modern national narrative of Muscovite Rus' within the general European ideological and cultural context.

Keywords: Legend of Sloven and Rus, Rus', ancient history, Scythos and Zardan, Sloven and Rus, early modern nation-building, Old Testament genealogies, universal and gentile historical paradigms, historical narratives, Russian historiography.

DOI 10.31860/2712-7591-2022-2-121-152

Сказание о Словене и Русе¹ начинается с ветхозаветного сюжета о разделе мира между сыновьями Ноя и их родами. Среди них неизвестные Священному Преданию «правнуцы Афетовы» Скиф и Зардан и их потомки «князе скифские» Словен и Рус — первопрядки руси, — коих «распря и междоусобие и крамола многа тесноты ради места» (с. 442) побудили через 843 г. после Потопа покинуть Причерноморье в поисках новых земель в «полунощных странах». Схематично синхронизированное с ветхозаветной и античной древностью, привязанное к главным ее вехам прошлое руси Сказание доводит до призвания новгородцами варягов — до времен, откуда

¹ Здесь и далее я опираюсь на версию Сказания по списку Хронографа 1679 г.: [О истории]. Ссылки на страницы — в круглых скобках после цитаты.

Повесть временных лет (далее — ПВЛ), известная Западу как Хроника Нестора, берет отсчет Руси.

Однако Сказание и ПВЛ — две разные истории руси. Сказание чужеродно и не преемственно ПВЛ, оно из иной исторической парадигмы. Оно выпадает из русской летописной традиции и освещает древность руси *post diluvium* (которой ПВЛ не знает) из этнокультурной, а не династической перспективы².

Созданное, как вытекает из новейших исследований, в 1630-е гг. [Буланин, Турилов, с. 444]³, Сказание уже в 1652 г. вошло в Патриарший лицевой свод и обрело статус официального нарратива Московской Руси в представлении ее Православной Церкви, охотно принявшей идею всеславянского родства и единства, открывавшую перед ней (и энергичным, нацеленным на реформу Церкви патриархом Никоном) мессианские перспективы. Сказание, как убедительно сообщает А. П. Богданов, распространилось во многих списках, передающих разные редакции текста, в том числе обильно в провинции, и оставило заметный след в московской / российской исторической литературе XVII—XIX вв. [Богданов 2019, с. 256–258]. (NB: в нарративах руси ВКЛ⁴ и Речи Посполитой XVI—XVII вв. Словен и Русе не фигурируют, как, впрочем, и Скиф.) Оно оказалось освящено авторитетом патриархов и народной симпатией, вниманием просвещенных книжников, ибо традиционное начало русской истории на основе ПВЛ, Хронографа русского и Степенной книги ко второй половине XVII в. их уже не удовлетворяло [Богданов 2019, с. 257], ведь в них речь шла, как верно подмечают А. В. Лаврентьев и А. А. Турилов, в первую очередь о преемственности власти [Лаврентьев, Турилов, с. 23], как известно, драматично нарушившейся на рубеже XVI—XVII вв. Новые представления о чрезвычайной древности руси прочно вошли в XVII в. в книжность и общественное сознание Московской Руси⁵. Е. К. Ромодановская правомерно указывает на расширение

² Прав А. Л. Гольдберг, в Сказании речь не идет о происхождении / авторитете власти на Руси [Гольдберг, с. 51].

³ В более ранних работах его датировали временем ок. 1650 г. [Гольдберг] и даже последней четвертью XVII в. [Николаева, С. 348]. Однако В. И. Буганов относит найденный им некогда в Галле неизвестный Краткий московский летописец, начинающийся со Сказания о Словене и Русе, ко времени «вскоре после 1613 г.» (!) [Буганов, Рогожин, с. 523]. По всей видимости — ошибочно, на что мне указал А. В. Сиринов.

⁴ Аббревиатурой ВКЛ я по традиции обозначаю Великое княжество Литовское.

⁵ О том же свидетельствует, например, и выписка «на перечень из дву хроник Полских которые свидетельствованы с Греческою и з Чешскою и с Угорскою хроникою многими спасители от чего имянется великое Московское государство и от коея повести Словяне нарекошася и почему русь прозвася» [Изборник, с. 438–442].

исторической тематики московских сочинений XVII в. «в первую очередь за счет создания новых (! — А. Д.) повествований о начальной истории русского народа или — шире — вообще славян» [Ромодановская, с. 65]. А С. Н. Плохий подчеркивает, что в первые десятилетия XVII в. этнонациональная идентичность московской руси выступает в ее текстах заметнее, чем когда бы то ни было ранее в ее истории [Плохий, с. 34–35]. Нельзя не отметить при этом, что царский двор Сказание предсказуемо не жаловал, ведь оно релятивировало роль правящей династии — не с Рюриковичами (приглашенными / пришлыми / чужими) связано начало руси; Сказание смещало акцент на исконную издревле этнокультурную общность руси, именно ее ставило в центр нарратива; к тому же ни одна универсальная историческая парадигма древности и никакие династические генеалогии раннего Нового времени Словена и Руса не знали.

На заре становления исторической науки в России Сказание восприняли уже как не внушавшие доверия «баснословия»⁶. Да и исполненная пиетета перед классиками отечественная историография, в том числе современная, все еще остается в основном на тех же позициях [Петрухин, с. 19; Сиринов; и др.]. В обобщающих картину XVII столетия трудах выбивающееся из летописного мейнстрима Сказание предпочитали обойти [Очерки русской культуры] и / или обесценить [Очерки истории исторической науки, с. 95; Пештич, с. 41–42; Рыбаков, с. 37; Петрухин, с. 19, 26–27], в лучшем случае — представить как «памятник легендарного сочинительства» [Лурье, с. 43, 70], редко — объяснить [Думин, Турилов, с. 15–23; Лаврентьев, Турилов; Буланин, Турилов; Богданов 2019], на мой взгляд, неубедительно⁷,

⁶ «Колико сей сказатель, или паче враль, вероятно достоин, я толковать оставляю, но довольно того, что он никакого древнего свидетельства на то не показал, и в самом начале глупость его явна (...) и в летах довольно незнание его видимо. Я мню, что он сказание Иоакимово за основание имел, да не разумея хотел пополнить, и темность оногo разъяснить, токмо ума столько не было» [Татищев 1769, с. 426–427]. (Так называемая Иоакимовская летопись, на которую ссылается В. Н. Татищев и никто, кроме него, в действительности датируется более поздним, чем Сказание, временем.) См. также: «И многие верили сим нелепостям! Верили (умалчивая о другом), что на берегах Волхова был у Славян город за 4200 лет до нашего века! Не только в древней Несторовой летописи, но и в самой Никоновской, в самых Хронографах и в Степенной Книге XVI века не упоминается еще о Словенске: сей вымысел принадлежит, кажется, седьмому-надесять столетию» [Карамзин, с. 26].

⁷ Наиболее странное объяснение появлению Сказания дает, на мой взгляд В. Я. Петрухин; он полагает, что как только Москва подчинила себе последнюю вольную землю — Новгород, — оказалась сломана система правдивого официального летописания, и придворная историография получила отныне возможность плодить «государственный вымысел» [Петрухин, с. 26]. В. Я. Петрухин не замечает, что Сказание не укрепляет авторитет власти, оно о другом.

притом никогда — вписать в общеевропейскую систему историко-культурных координат своего времени⁸. При этом А. В. Лаврентьев и А. А. Турилов убеждены, «“Повесть о Словене и Русе” знаменует начало нового этапа русской историографии, отмеченного почти полным разрывом со схемой древнейшей истории славян и Руси, восходящей к „Повести временных лет“» [Лаврентьев, Турилов, с. 19]. В этой стигматизации Сказания исследователи вполне справедливо единодушны⁹. Но что же принципиально новое Сказание манифестировало? С какой схемой древнейшей истории славян и Руси порывало?

Ни в ПВЛ, ни в наследующих ей памятниках ничего не говорится о руси / Руси в древности (на общеевропейской шкале истории — ветхозаветной или античной), тем более нет никакой схемы на этот счет. ПВЛ укореняет славян среди «семидесяти двух язык» от Вавилонского столпотворения и только «спустя много времени» — на излете Великого переселения народов — обнаруживает их в Подунавье, а «Руску землю» впервые упоминает под 852 г.¹⁰

Не будучи специалистом в рус(с)ком лето- и историописании, я, увы, ничего не добавлю к дискуссии об авторе Сказания, его протографе, разных списках и их рецепции и др. В этом направлении сделано уже много¹¹, хотя не изданное критически, оно продолжает порождать разночтения, не позволяющие адекватно и непротиворечиво интерпретировать его. Так, отстоящие

⁸ Исключение из общего ряда — работы А. С. Мильникова, замечательного знатока экзопредставлений о Руси/руси в раннее Новое время. Стронник примордиализма, он рассматривает их, однако, как не поддающуюся единой логике флуктуацию экзо- и эндоэтнонимов; не замечает смены общей парадигмы историописания в Новое время; как следствие, не задумывается о контекстуальной, исторической подоплеке появления Сказания [Мильников, 1999].

⁹ Все же за редкими исключениями. Например, А. П. Богданов, наоборот, считает, что именно приверженность новгородцев летописной русской традиции, а «только они на всей Руси хранили» ее (в привязке к Начальной летописи), позволила им предложить новый взгляд на российскую древность: «Именно новгородцы должны были объяснить россиянам, “откуда мы пришли” с самых древнейших времен. И сделали это в Повести о Словене и Русе» [Богданов 2019, с. 253–254].

¹⁰ После Вавилонского столпотворения, как гласит ПВЛ, «от сих же 70 и 2 языку бысть язык словѣнскъ, от племени Афетова, нарци, еже суть словѣне (...) По мнозѣхъ же времянѣх сѣли суть словѣни по Дунаеви... От тѣх словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имени своими, гдѣ сѣдше на котормъ мѣстѣ». А с 852 г. «начася прозывати Руска земля». В десять шагов («От Адама до потопа лѣт 2242, а от потопа до Аврама лѣт 1000 и 82, а от Аврама до исхождения Моисѣева...»), всего в несколько строк, ПВЛ пролистала календарь всемирной истории от Адама «до первого лѣта Олгова, рускаго князя, лѣт 29», с него и начала отсчет Руси [Повесть временных лет, с. 24, 34].

¹¹ В первую очередь см. исследования А. В. Лаврентьева, А. А. Турилова, Н. В. Савельевой, А. П. Богданова.

друг от друга всего на несколько лет версии Сказания из Русского хронографа 1679 г. и Мазуринского летописца предлагают разные точки отсчета руси¹². Сегодняшние же дискуссии вокруг Сказания развернулись в основном по поводу его автора и места создания (Новгород или Москва), влияния польских хроник XVI в., а также разного рода частных, в то время как программа Сказания — радикально новаторская для своего времени — остается втуне.

Разумеется, Сказание не было досадно незаслуженно обойдено в российской историографии, как это готовы были бы признать российские коллеги сегодня. Невозможно представить себе, чтобы, дорожа своими памятниками и культурными традициями, они век за веком случайно маргинализировали один из центральных оригинальных источников XVII в., широко разошедшийся в свое время в рукописях, популярный. Дело не в том, что мифы Сказания уже в XVIII в. не выдерживали научной критики. Нет, Сказание изначально выбивалось из общего ряда, предлагало руси (московской) новую точку отсчета и новые вехи и корректировало линии ее исторической преемственности, главное — вступало в противоречие с изоляционистским трендом «древнерусской традиции», а с ней — отечественной историографии.

Моя задача здесь — вывести Сказание за тесные рамки российского летописного дискурса и прочесть его в общеевропейском (а не изоляционистском) идейном и культурном, главное — раннемодеิร์น национальном (а не конвенциональном средневековом территориально-государственном) контексте. В силу исследовательских приоритетов он лучше знаком мне [Доронин, 2003, 2007, 2011, 2012, 2015, 2018, 2019; Doronin 2012, 2013a, 2013b, 2014], чем российским коллегам, ведь исследовательское пространство современной российской историографии в операциональном плане давно предусмотрительно разделено на «русистов» и «зарубежников». Конечно, я не берусь фундированно осветить все поднятые мной аспекты заявленной темы (некоторые из них прозвучат в историографии впервые) и дать исчерпывающие ответы, да и формат статьи не позволяет этого сделать. Я предлагаю концептуально новую интерпретацию Сказания, новую исследовательскую перспективу.

Чтобы получить искомые ответы, прежде всего нужно задать источнику соответствующие вопросы.

¹² Если первое — от Скифа; то второе / адаптировавшее помимо Сказания киевский Синопис 1674 г. и другие новейшие исторические нарративы того времени, в том числе польские, — от Мосоха [Мазуринский летописец, с. 11 и след.].

Идейная программа Сказания

По моему глубокому убеждению, толчок поиску нового начала *своего* дала московской руси Смута, пошатнувшая главные ее институциональные твердыни — династическую и церковную. На Сказании не просто «лежит отпечаток» Смуты [Лаврентьев, Турилов, с. 24], оно порождено ею. В условиях расшатанного государства, при «худосочной» в представлении соседей династии и скомпрометировавших себя Церкви и знати Смута побудила московскую русь — все же, вероятно, сначала в провинции (где и зародилось народное ополчение) — искать новую надежную опору: авторитетную в глазах Европы XVII в. легитимацию — новое, признанное другими знание о себе.

Это знание не могло, однако, родиться из «местных преданий ⟨...⟩ какой-то обработки ⟨...⟩ собственного понимания ⟨...⟩ попытки „расшифровать“ более ранние известия», как то предполагают С. В. Думин и А. А. Турилов [Думин, Турилов], а также А. П. Богданов¹³ и А. С. Мыльников¹⁴. Новгородские предания, «более ранние известия» (какие?) вряд ли простирались до ветхозаветных времен и генеалогий, хранили память о Скифии как прародине Новгородчины или передавали из уст в уста память о походах славян в Египет или же Грамоту Александра Великого. Сказание апеллирует не к партикулярному *своему*, но утверждает *свое* в общей древности человечества — это принципиально новый, амбициозный и масштабный (пусть всего лишь на несколько страниц) исторический нарратив-схема, ориентированный на нормативное общеевропейское ренессансное [Hirschi; Münkler, Grünberger, Mayer; Helmuth; Доронин, 2003, 2007, 2011, 2012, 2018; Doronin, 2012, 2013a, 2013b, 2014, 2016], а не архаичное местечковое мировоззрение. Это раннемодерный национальный, а не конвенциональ-

¹³ А. П. Богданов представляет ведущую роль новгородцев в отечественном летописании по-журналистски гротескно: «А не замахнуть ли нам на Адама? — Подумали добрые граждане в „бунташном веке“ ⟨...⟩ И, как обычно, свой замысел исполнили, со свойственным им масштабом и последовательностью. С уточнением, что все живущие ныне люди пошли все-таки от Ноя и его сыновей. Родословие Ноя до Адама и так было известно. Поэтому достаточно было привести происхождение новгородцев от Афета, сына Ноя. И показать, что не только русские, но и все славяне ведут свой род именно от новгородцев. А затем убедить в этом всю Россию. Что граждане и сделали» [Богданов 2019, с. 252–253]. Однако русь не была исключением: в «бунташном веке» и даже на столетие раньше «добрые граждане» в т. ч. в других землях Европы подумали о том же и решили начать свои родословные с Ноя.

¹⁴ А. С. Мыльников уверен в том, что Сказание «с западнославянской легендой о Чехе, Лехе и Русе напрямую не было связано ⟨...⟩ новгородский Рус был продуктом другой, восточнославянской фольклорной стихии» [Мыльников 1999, с. 49].

ный средневековый локальный / региональный проект. И в этом смысле не принципиально, сложилось Сказание в московском кружке ревнителей древнего «благочестия» / московских «боголюбцев» [Гольдберг, с. 53] или Новгороде [Носов, с. 192; Богданов 2019, с. 254; Стефанович, с. 434; и др.]. Речь в нем идет о славянстве и руси в целом, а не о началах «древнего» Новгорода или Москвы.

Сказание — не летопись, не последовательное изложение событий от некоего зафиксированного в источниках начала конкретного социума (племени, земли, государства и др.), в данном случае руси. Сказание (ре)конструирует ее начала — которые миф / воображаемая реальность — *ex post*. Но именно с мифа начинается любая современная национальная общность — линии ее преемственности всегда обращены из современности в глубокое прошлое, в летописях — наоборот.

Клеймить эти мифы / «баснословия» раннего Нового времени от Пикколомини (1405–1464) до Ломоносова (1711–1765) как спекуляции, в частности противопоставлять «литературные фантазии (Сказания — А. Д.) надежным свидетельствам источников XI–XII вв.» [Сиренов, с. 190–191] некорректно. Разве источники XI–XII вв. надежно свидетельствуют о руси за тысячелетия до Рождества Христова? Или все же они повествуют о том времени, в котором и были созданы? «Баснословия» — начало любого (ранне)модерного национального нарратива. Шаг за шагом развенчивая их, прибегая *ad fontes*, любое национальное историописание (вос)создает *свою* древность, конституируя современную нацию. Но таковой не терпящий дисконтинуитета от начала времен нарратив сначала должен был родиться под пером некоего автора / неких авторов. И главный вопрос в этой связи не «как», а «когда» и «почему»? Игнорируя исторический контекст, ответить на него невозможно.

Раннемодерные мифы наций не просто естественный этап становления в Европе нового знания о народах и национальных школ историописания, они совершили подлинно революцию: ренессансные гуманисты впервые (!) синхронизировали все известные на то время, но противоречившие друг другу универсалистские парадигмы древности — ветхозаветную, троянскую, римскую, — дополнили их гентильной (эпохи Великого переселения народов), гармонизировав историческую карту мира от его начала. Отныне земная история человечества получила единые истоки (Ной и его потомство) и эпохи / единую верифицируемую шкалу, тогда как в предыдущие тысячелетия каждая из исторических парадигм утверждала собственных пращуров и свои точки отсчета, свою мифологию. Естественно, в дохристианской ан-

тичности и речи не шло об общих ветхозаветных предках¹⁵. Наивно также полагать, что они мультиплицированы из какого-то местного архаического фольклора или являются плодом личного творчества анналистов и лишь воспроизводятся на протяжении веков с добавлением новых подробностей (так в [Мильников 1996, с. 138]).

В этом смысле Словен и Рус, как и само Сказание, — не сознательная мистификация или неудачный опыт бездарного «враля», а глубоко осмысленный в политических коллизиях начала XVII в. первый краткий московрусский план-проспект ее древней истории — матрица, по которой предполагалось отныне встраивать московскую русь в новую Европу от ее (общего для всех населяющих эту часть света народов) начала. Сказание — национальный нарратив, он повествует об (этнокультурных) истоках народа русь, в то время как ПВЛ и продолжающая ее летописная традиция, далее В. Н. Татищев, Н. М. Карамзин и др. вплоть до современной отечественной историографии пишут в основном о государстве Русском.

В Сказании начальная история руси прочитана на западный лад как манифест ее автохтонии¹⁶ и исконной самобытности *ab ovo*. Определенно, «задача Сказания — восполнить лакуну в изложении древнейшей истории славян в промежутке между разделом Земли сыновьями Ноя и великим переселением народов» [Лаврентьев, Турилов, с. 20]. Но почему именно в XVII в., не раньше, московрусские интеллектуалы решили, что история руси древнее, чем сообщали до тех пор ее летописи? Почему в XVII в. — вдруг — обнаружилась эта зияющая лакуна? Почему московской руси понадобилось другое начало — от самого Потопа; почему именно теперь ею была востребована и ветхозаветная, и античная древности, на которые претензии москвитов выглядели странными? Притом после Смуты, когда само существование Русского государства и московской руси оставались под угрозой... Почему до начала XVII в. этот «промежуток» в три тысячи лет

¹⁵ Это обстоятельство упускал, к сожалению, А. С. Мильников, настаивавший на некоем «этнопсихологическом стереотипе, в основе которого лежало персонифицированное Начало. Смысл его укладывался в рассуждение: все народы произошли от определенного библейского предка» [Мильников, 1996, с. 138].

¹⁶ Сказания П. С. Стефанович касается, правда, вскользь, подчеркивая, что его автор «хотел, прежде всего, показать древность словен / руси и их автохтонность на Русском Севере. Доказывать их единство и связь с какими-то другими частями современной ему руси он не стремился» [Стефанович, с. 436]. Последнее утверждение стоит, однако, скорректировать: автор Сказания не настаивает на политическом единстве с другой современной ему русью, но единство этнокультурное — исторически происхождение из Скифии — подразумевается им здесь по умолчанию.

был для московской руси белым пятном? И чем, если не «баснословиями», можно было теперь его наполнить?

Сказание привязывает русь к центральным / опорным для европейского культурного пространства вехам всемирной истории, базовым для самоидентификации любой нарождавшейся в раннее Новое время нации:

— раздел мира между первыми потомками Ноя; среди них оказываются и пращуры руси: «По мале же времени правнучы Афетовы Скиф¹⁷ и Зардан отлучишася от братие свояе, и от рода своего от западных стран и коснушася полуденных стран и вселишася во Ексинопонте и живяху тамо многа лета, и от сих породишася сынове и внуцы¹⁸ и умножишася зело, и прозвашася по имени прадеда своего Скифа Скифы» (с. 442);

— заселение земли, «сущей во жребии прадел наших», от начала мира: «И бысть в лета от Адама 3099 (2409 г. до н. э. — А. Д.) Словен и Рус с роды своими отлучишася от Евксинопонта, и идоша от роду своего, и от братий свояе и хождаху по странам вселенных... 14 лет (2409 – 14 = 2395 г. до н. э. — А. Д.) пустыя страны обхожаху, дондеже дошедше езера некого велика Мойска зовомаго, последи же от Словена Илмер проименовася во имя сестры их Илмери, и тогда волхвование повеле им быти населником места того» (с. 443); таким образом, это земли исконно русские;

— основание с древности своих городов, здесь Словенска и Старой Русы: «И от создания мира до потопа 2242 лета, а от потопа до разделения язык 530 лет, а от разделения язык до начала Великаго Словенска, иже ныне Великий Новъград 327 лет» (с. 444); так, Словенск и Старая Руса, согласно летосчислению Сказания, старше Трои (!);

— известная испокон веков воинская доблесть (руси) в сражениях с могущественными в древности народами (русь здесь часть скифского мира): «Хождаху же и на Египетския страны и воеваху, и многое храбрство показующе, во иерусалимских и варварских странах, велий страх тогда от сих належаше» (с. 444); «при Александре Македонском. Начальницы убо во Словенек и Русех князи быша, им же суть имена первый Великосан, второй Асан, третий Авенхасан. Сии же бяху храбрством и мудростию многих превзошедше... Пресветлый же самодержец и всесветлый царь нача раз-

¹⁷ У А. В. Лаврентьев и А. А. Турилова допущена досадная неточность [Лаврентьев, Турилов, с. 21]. Разумеется, Арфаксад — сын (пращура азиатских народов) Сима, а не (пращура европейских народов) Иафета.

¹⁸ Я хотел бы скорректировать формулировку из энциклопедической статьи Д. М. Буланина и А. А. Турилова: в ней «кочевые народы, прежде всего, скифы» выступают «сородичами» славян и русов [Буланин, Турилов, с. 445]. В Сказании славяне и русы и есть скифы, они равно скифы (потомки Скифа), как и болгары, половцы и хазары.

мышляти... что сотворити подобает с сыроядцы сими (...) но обаче посылает к ним с дары многими, и писание всякими похвалами украшено и самага царя высокодержавного десницею златопернатыми письмены подписано, писание же имяше образ сицев: Послание Александра Македонскаго к Русским князем» (с. 445); «по сих же многим летом прошедшим... два князя Халох и Лахерн (...) начаша воевати с скипетры земли Греческия. Приходиша же и под самый царствующий град, и много зла и кровопролития сотвориша скипетру Греческаго царствия» (с. 446);

— medium aevum — здесь начинается с первого и второго запустения Словенска (с. 446–447); во всех раннемодерных европейских национальных нарративах обязательно присутствует этот топос средневековья — межславной самобытной древностью и возрождением своего, — его начало конотируется с Великим переселением народов IV–VI вв.;

— автохтонные истоки государственности — от Словена и Руса и их потомков до «князя» Гостомысла, не оставившего по себе наследников (с. 447);

— призвание авторитетных правителей со стороны, в данном случае из рода римского императора Августа: «яко земля наша добра, и всеми благами изобильна, но не имать себе властодержца государя от роду царскаго, сего же ради в вас мятеж велик и неутешен, и междуусобица зла, молю убо вас, послушайте совета моего, иже реку вам: по смерти моей идите за море в Прусскую землю и молитесь тамо живущих самодержцев, иже от рода кесаря Августа, кровницы суще, да идут к вам княжити и владети вами, несть вам срама таковым покоритися, и в подданстве у них быти» (с. 447).

В некоторых версиях Сказания мы найдем еще «пророчество» вольных новгородцев об их подчинении в будущем «доброродным», державным Рюриковичам; а также сообщение о крещении руси святым князем Владимиром (в 969–978 гг. — князь новгородский, с 978 г. — великий князь киевский). Это определено более поздние вставки.

По тем же вехам и лекалам выстраивали в Европе XVI–XVIII вв. свои первые национальные нарративы / мифы наций и другие народы Европы — не только славянские, как полагал А. Л. Гольдберг [Гольдберг, с. 51]. Они «осознали» с Ренессансом и Реформацией каждый *свою* (в противопоставлении *другим / чужим*) якобы извечную самобытную надрегиональную этнокультурную общность [Доронин 2003; 2007; 2011]. Их целью было утвердить непрерывную преемственность *своего* от ветхозаветных первопредков через хаос Великого переселения народов до современности. Отправными точками в них были потомки Ноя, притом не только известные Ветхому Завету сыновья и внуки Иафета, но и породненные с ними новыми ренессансными генеалогиями мифические Туискон, Сармат, Скиф, Истр и др. Эти

нарративы локализовали разные известные Европе народы у начала времен как автохтонные: в них каждый народ происходил от *своего* пращура, исконно жил на *своей* земле, благодаря *своей* доблести оставил заметный след в мировой истории, имел *свои* древние города, *своих* древних правителей, *свой* язык, *свои* традиции, *своих* героев, *свои* символы, *свои* «места памяти» и др. Так выглядит каркас любой раннемодерной национальной конструкции, который затем необходимо было наполнить «реалиями», де-конструируя мифы.

До конца XV в. западноевропейская хронистика не идентифицировала племенные союзы, упоминаемые в Библии ко времени после Потопа, с народами, населявшими Европу в I—II тыс. н. э.; а мифы и предания самих этих народов не адаптировала к ветхозаветной истории. И хотя все народы были едины в теле Христовом — и православные, и язычники, — а человечество воспринималось как семья, это были разные истории, разные традиции, разные начала. До Ренессанса ветхозаветная история не корреспондировалась с троянской легендой, римской мифологией, хрониками времен Великого переселения народов.

Так или иначе, к XVII в. многие известные в Европе народы, отсчитывавшие свое начало от Великого переселения, были исторически делегитимированы. Им — и это относится в равной мере к московской руси — не нашлось места ни в ветхозаветном предании, ни в Новом Завете, ни в троянских легендах, ни в римских анналах, ни в трудах античных авторов, ни (многим из них) в *res gestae* разных племен III—VI вв.; некоторые и вовсе завели свои летописи уже во II тысячелетии от Р. Х. А итальянские ренессансные интеллектуалы, последователи Петрарки, «реабилитировав» античность в XV в., присвоили ее, объявив всех прочих варварами. Ветви единого древа человечества от Адама до Страшного суда оказались «обрублены», а всемирная история впервые (!) поделена на эпохи; большинству народов Европы было отказано в авторитетной древности. В этой новой системе координат русь (и не только) встала перед необходимостью, преодолевая комплекс культурной неполноценности, (ре)конструировать собственные истоки у начала времен — от сотворения мира через античность (включая, а не игнорируя ее) и нормализованное *medium aevum* к современности. Новые, подобные Сказанию о Словене и Русе, синхронизированные с античностью генеалогии *post diluvium* (а что в представлении человека того времени есть история, как не генеалогии?) и легли в фундамент раннемодерных национальных нарративов. Как следствие, конвенциональные Средние века подверглись программной нормализации / деварваризации. Это знаменовало собой кризис универсализма: на смену иерархическому моноцентризму пришли полицен-

тризм равновеликих субъектов истории и полифония национализированных версий древности.

Нельзя не согласиться с А. В. Лавpентьевым и А. А. Туриловым в том, что автор Сказания мнил «уpавнять по древности русскую (читай российскую. — А. Д.) историю с историей других европейских государств и народов» [Лавpентьев, Турилов, с. 23]. Но почему именно во второй четверти XVII в. считавшиеся на протяжении полутысячелетия непрерываемыми известия ПВЛ о началах Руси уже не удовлетворяли ее? Мы не пойдем природу Сказания, если будем расценивать его «как очередной пример попытки „депровинциализации“ собственного сообщества путем вылепливания подходящего ему исторического прошлого» [Бойцов, с. 81]. Очередной? Разве московская русь до XVII в. знала другие примеры кардинального реформатирования своего прошлого с целью его «депровинциализации»? (Я не рассматриваю здесь династическую августинскую легенду, теорию «Москва — Третий Рим» или топос Святой Руси — речь в них идет главным образом о династии, государстве, Церкви; этнокультурная составляющая в них на втором плане. «Депровинциализируя» Московскую Русь, они не переписывали ее историю.) Вовсе нет. В Европе наступало Новое время, в котором важно было заново самоутвердиться и московской руси тоже. Но не в «безобидных литературных упражнениях на антично-гуманистическую тему» [Бойцов, с. 82], как это могло бы быть истолковано в данном случае. Определенно, концептуальный императив Сказания гораздо глубже.

Не приходится интерпретировать Сказание и как «приспособление к местным условиям легенды о Чехе и Лехе» и / или рецепцию польских хроник XVI в.¹⁹ (К тому же не польские хроники XVI в. — первоисточник раннемодеpных генеалогий происхождения руси, апеллирующих к Священному Преданию или античным авторам; они заимствованы у итальянских и заальпийских ренессансных авторов конца XV — начала XVI в., в том числе мифы о Сармате, Рифате, Мосохе и др. первопредках, а также о руси-роксоланах, москве-амаксобитах и др.²⁰) В Сказании ни слова о братьях-славянах Чехе и Лехе. Да и «ветхозаветный» первопредок Рус из Сказания не тождествен Русу из Великопольской хроники начала XIV в. (имеющей чешские корни) с ее гентильной средневековой легитимацией, далекой от притязаний на автохтонию и преємственность *ab antiquitate*. Славянская древность Великопольской хроники имеет неглубокие корни: ее Лех, Рус и Чех появляются

¹⁹ Это стало общим местом в современной отечественной историографии, см., например: [Лавpентьев, Турилов, с. 23; Буланин, Турилов, с. 445; Сиренов; Стефанович, с. 434; Акимова, р. 43–44] и др.

²⁰ См. на этот счет: [Доронин 2012; 2019].

на авансцене европейской истории лишь в ходе Великого переселения народов; истоки этих трех больших славянских общностей не вписаны в нее от начала времен, не синхронизированы с Ветхим Заветом, греческой и римской античностью. В то время как Словен и Рус (*nomen est omen*) из Сказания — потомки не сарматов, но скифов, восходящих якобы к правнуку Иафета Скифу, — на протяжении тысяч лет после Потопа известны миру. Миф о скифах — предках руси не дань сарматской теории, как то считают А. В. Лаврентьев и А. А. Турилов [Лаврентьев, Турилов, с. 23], а Сарматия в Сказании не «родина славян» (так в [Акимова, р. 41–42]). Древняя (как Египет фараонов) и грозная своей воинственностью Скифия здесь антитеза Сарматии (и польскому «сарматизму»?), о которой, насколько я могу судить по известным мне версиям, в Сказании ни слова. К тому же именно Скифия в Сказании — подлинная колыбель славянского мира, а не Подунавье (европейская Сарматия), которое лишь промежуточный этап в его расселении. Прочтение руси / ρως как части скифского мира (наряду с готами, гуннами, хазарами и многими др.) [Древняя Русь, с. 135, 207–208 и др.] восходит к античной греко-римской и византийской VIII–X вв.²¹, а не западной — чешско-польской — летописной традиции XIII–XIV вв. Во всяком случае, мы знаем, что отождествление славян со скифами имеет более глубокие корни, оно «проникло в библейский текст на Руси в XII веке, вероятно, под влиянием византийско-греческой географической номенклатуры» [Мареш]²²; еще И. Дуйчев в 1960 г. показал, как широко имя *Σκύθαι* употребляли в отношении славян вообще, восточно- и южнославянских племен в частности, везде, где византийская культура имела свое влияние [Дуйчев].

Скифы как гентильные первопрядки разных европейских и азиатских народов неизменно оставались в поле зрения западно- и центральноевропейской хронистики, а также историописания конца XV — XVII в. Так, на знаменитой карте Мартина Вальдземюллера *Universalis cosmographia* (1507) на северо-восточной окраине Европы мы найдем гиперборейских скифов, притом Скифия у Вальдземюллера (как и у Птолемея, на которого он и прочие космографы рубежа XV–XVI вв. опираются) лежит и в Европе, и в Азии; Иоганн Кохлей в «*Brevis Germaniae Descriptio*» (1512) различает Сарматию (которую оставляет целиком Европе) и Скифию (которую делит на Европейскую и Азиатскую), закрепляя за европейскими скифами внутреннюю Рутению по Днепру, Дону, Бугу, Азовскому морю; роксолан он

²¹ Напомню, Хроника псевдо-Симеона (X в.) сообщает, что «Росы, или еще дромиты, получили свое имя от некоего могущественного Роса» [Древняя Русь, с. 182].

²² В. Ф. Мареш убедительно показал это на множестве примеров.

упоминает как одно из евроскифских племен [Cochlaeus, p. 122]; Иоганн Карион в своей «Хронике возрастов мира» (1518) называет Рифата, сына Гомера из колена Иафета, прародителем скифов [Carion, p. 34]; баварец Иоганн Авентин в «Анналах князей баварских» (1521) не делает разницы между сарматами и скифами — тех и других относит к первым германцам [Auentinus, s. LVII F. — LVIII]. «Сармат» Станислав Ореховский в 1549 г. уверял в письме к другу Паоло Раннузио, что «Русь ранее была Скифией, с которой граничит, и не очень отличалась от нее родом и обычаями; но, общаясь с греками, переняла у них способ мышления и веру, оставила свою скифскую необразованность и дикость» [Українські гуманісти, с. 417–418]. А Кшиштоф Варшевицкий в «De origine seu derivatione generis et nominis Poloni dialogus» (1580) указывал, что в турецких архивах хранится завещание Александра Македонского славянам, назвавшимся сарматами после победы над скифами, которые происходили от ветхозаветного Асармота (сына пращура азиатских народов Сима) [Українська поезія, с. 64]. Подобные этнокультурные генеалогические «изыскания» раннего Нового времени можно воспроизводить долго.

Во времена Александра Македонского Скифия — могущественный (гораздо более, чем Сарматия) и грозный племенной союз. Неудивительно в этой связи, что «царем царь и над цари бичь, божий презвитяжный рыцарь и всего света обладатель» не решился на поход в Скифию (никто из античных авторов о сарматах как племенном союзе, в земли которого Александр Великий вторгнуться бы не рискнул, не сообщает), предпочтя, как следует из Сказания, подтвердить своей Грамотой «храбросердому народу Словенскому» его владения «от моря Варяжского и даже до моря Хвалимского»²³. Нас, правда, может смутить, что Грамоту Александра Великого приняли князья Великосан, Асан и Авесхасан, а затем речь в Сказании идет о неизвестных русским летописям «князьях» Халохе (Лалохе) и Лахерне, далее о «живуще же тогда отнюдь поганин, яко скот, не имуще закона» Диюлесе (Диюлеле) и Дидалакхе (Дидиядакхе). Так кому же якобы жаловал свою Грамоту Александр Македонский?

Вернемся к началу Сказания — к «правнуцам Афетовым Скифу и Зардану». (В некоторых списках Сказания, например в Мазуринском летописце, брат Скифа зовется Казардан, в других — Азардан.) Не о предке ли тюркоязычных кочевников-хазар речь: «От сего же племени (скифов. — А. Д.) во время последнее и каган сыроядец изскочи»?.. «О нем же (кага-

²³ О происхождении Грамоты Александра Македонского см.: [Мильников 1996, с. 45–94 (гл. 2: «Мифологема пространства: о Грамоте Александра Македонского»); Бойцов, с. 75–83].

не-сыроядце. — А. Д.) греческая история изъясняет», — заканчивает этот пассаж автор Сказания. Но единственные отсылки в Сказании к греческой истории — сюжет с Грамотой Александра да сообщения о походах Халоха и Лахерна в Византию...

Две Скифии, Европейскую и Азиатскую, знали античные авторы. До X в. византийцы относили к скифам племена, обретавшиеся от Северного Причерноморья до Каспия; вплоть до XVI в. в византийских и итальянских источниках эти земли именовали Хазарией, а Черное и Азовское море (в ближневосточных — и Каспийское тоже) — Хазарским. Русы и хазары в Сказании родственны, те и другие — потомки Скифа, как, впрочем, и болгары, и куманы (половцы), и подунавские славяне (Истер в Сказании, а также Болгар и Коман — младшие братья Словена и Руса). Неудивительно: ведь в I тыс. н. э. славянские племена жили в тесном контакте с кочевыми. Непротиворечивым представляется такое родство автору Сказания и исходя из ветхозаветной парадигмы: «...да распространит Бог Иафета, и да вселится он в шатрах Симовых...» (Быт. 9: 27) — благословил потомство Иафета Ной. Да и еще в XVIII в. В. Н. Татищев в своей «Истории Российской» числил хазар среди славян [Татищев 1769, с. 433]. Не должны ли мы предположить в этой связи, что в Сказании древняя слава «начальников убо во Словенях и Русех» Великосана, Асана и Авесхасана простиралась на «скифских жителей» *pars pro toto*? Ведь все земли — от тех, что были заняты Истером²⁴ с его коленом, до земель Казардана / хазар — скифские.

(В Новое время «потомки Скифа» станут писать каждый свою историю, выстраивать собственные линии исторической преемственности издревле. В конце XVII в. в казацких исторических нарративах настойчиво зазвучит тезис о хазарском происхождении казаков [Бовгиря 2017; 2018; 2019], позволявший им дистанцироваться в этнокультурном плане как от «сарматизма» поляков, так и от якобы ветхозаветных пращуров московитов — Руса, Мосоха.)

²⁴ Примечательно, что в синхронизированных генеалогиях псевдо-Бероза, на которых основываются многие начальные мифы европейских наций, Истер (Иктан) и Далмад — сыновья Сима, праотца народов Азии; и именно потомком Далмада является, согласно этим генеалогиям, Sermates [Johannes Annius Viterbensis, p. 15R]. А в комментариях Джованни Нанни к якобы найденным и впервые изданным им (на деле сфальсифицированным) генеалогиям псевдо-Бероза сказано, что Туискон (мифический первый король Европы) был князем сарматов «от Рейна до Дуная», а «Scytharum nomen usque in Sarmatas & Germanos transit» [Johannes Annius Viterbensis, p. 31], то есть сарматы и германцы наследовали скифам. Это давало основания привязать скифов (то есть все те племена, которые античные авторы относили к скифам) к начальной истории мира и даже утверждать их первородство по отношению ко многим народам Европы.

Сказание закрепляло русь не в какой-то одной универсальной исторической парадигме — ветхозаветной (например, от библейского Роса / Роша) или гентильной античной (от скифов или роксоланов / сарматов, или троянских «енетов»), или ромоцентричной династической (через Пруса к императору Августу), и не в гентильной средневековой (от славян Подунавья VI в.), но во всех сразу, на протяжении всех эпох мировой истории, и уготовало ей самобытное автохтонное начало у истоков времен, оставив другим «свидетельствовать» славное прошлое руси на протяжении многих тысяч лет. *Ex post* эта схема выглядит так: вписанный Ренессансом в ветхозаветные генеалогии титан Скиф ← скифы из греческой и скифской мифологий ← Скифия на карте античных авторов ← *ρως* / русь как часть скифского мира в сообщениях византийцев ← русь / Россия.

И конечно, рассматривать Сказание нужно не в контексте русской летописной (христианской) традиции, как на том настаивают С. В. Думин и А. А. Турилов, но секуляризованной ренессансной — утверждающей русь не только в христианском мире, но хронологически на тысячелетия раньше. И прав в этом смысле В. Я. Петрухин: для традиционного русского летописания было неприемлемо обращение к мифологической дохристианской традиции [Петрухин, с. 26], тем более ревизия Священного Предания.

К вопросу об источниках Сказания

Однако откуда в Московской Руси второй четверти XVII в. явилось новое, неведомое до тех пор и столь нехарактерное для ее книжности представление о русской древности? Каковы источники Сказания?

Вряд ли уместно в данном случае задаваться вопросом, у кого оно списано / откуда что выписано. Да, это определенно компиляция. Принципиально не это, а другое — национальный нарратив не списывают. Вообще, он рождается не из интеллектуального (академического) дискурса, не из более позднего, середины XVIII в., спора Г.-Ф. Миллера и М. В. Ломоносова столетие спустя. Его (ре)конструируют в раннее Новое время в целях легитимации некой надрегиональной этнокультурной общности. В данном случае — московской. Разве какое бы то ни было заимствование объяснит, в связи с чем у московской руси / Руси в XVII в. появилась потребность в радикальной ревизии ее начального прошлого? Кому, как не самой московской руси это было нужно? Какие бы идейные и сюжетные составляющие, топосы и мифологемы московская русь ни потребляла в данном случае извне, она сама переформатировала в XVII в. *свои* истоки, декларируя новые линии преемственности *своего*. Контекст *своего* неизменно приоритетен. Однако,

адаптируя внешние влияния, так или иначе трансформируется и *свое* — герметичных традиций в Европе не было.

В исследовательской литературе не раз обращали внимание, что «начиная с древнейших списков, в заглавии Сказания читается указание «[Выписано] из История (печ.) Киевского» [Лаврентьев, Турилов, с. 21; Буланин, Турилов, с. 444]. Однако А. В. Лаврентьев и А. А. Турилов небезосновательно полагают киевское происхождение Сказания ложным [Лаврентьев, Турилов, с. 21]. По их мнению, его автор стремился таким образом придать своему опусу авторитет, сохранив собственное инкогнито. При этом коллеги указывают на «полное умолчание» Киева в Сказании, которое *ad hoc* расценивают как отместку за участие украинцев в польско-литовской интервенции [Лаврентьев, Турилов, с. 21, 24]. Но стал ли бы создатель Сказания «прятаться» за киево-печерскую летописную (исходную!) традицию, намереваясь затем маргинализировать ее и совершенно игнорировать Киев? Да и, главное, могла ли киево-печерская традиция стать поставщиком тех исторических сюжетов, которые образуют каркас Сказания? Быть таковым могло, однако, некое историческое сочинение, созданное в Речи Посполитой и отложившееся в киевских книгохранилищах, а затем теми или иными путями попавшее в поле зрения московурского интеллектуала. Подтверждение тому исследователи видят в формуле «презвитяжный рыцарь» из Грамоты Александра Великого, инкорпорированной в Сказание [Лаврентьев, Турилов, с. 21, 24; Бойцов, с. 80 и др.]. Да и сама Грамота попала в него с Запада. В конце концов, Сказание — компиляция заимствованных сюжетов.

Резонно предположить, что кто-то из новгородцев, *a priori* лучше знакомых с западными текстами и к тому же на годы оставшихся в период Смуты под шведским влиянием, — автор этого нового проспекта российской древности, безусловно, новгородоцентричного. Но зачем новгородцу апеллировать к летописной киевской традиции, если Словенск / Новгород предстает в Сказании городом более древним и славным, подлинно началом Руси при полном умолчании Киева? Киеву нет места в нарративе Сказания. Автор Сказания ищет престижную основу в гораздо более глубокой древности — не той, что знакома ему по ПВЛ и преемственному ей летописанию.

Так или иначе, Сказание — надрегиональный этнокультурный нарратив. Не Новгород или любой другой центр земель руси в его фокусе, а сам народ русь. Но именно свой Новгород, а не чужой Киев (к тому времени около трех столетий находившийся во владениях ВКЛ и Речи Посполитой) автор Сказания привязывает к ПВЛ на выходе из экскурса в новонайденную московурскую древность. В начале XVII в. москвиты еще не рассматрива-

ли Киев как исторический центр и *sacrum* руси, а московские Рюриковичи, тем более Романовы, не притязали наследовать великим князьям киевским.

(Ре)конструируя древность руси, Сказание собирает в единый цельный нарратив разные эпохи, парадигмы, источники, сюжеты, востребованные Европой на рубеже раннего Нового времени. Так, сообщения античных авторов о скифах и византийские представления IX–X вв. о ρωσ(α)х как части скифского мира непротиворечиво коннотируются в Сказании с синтетическими ренессансными генеалогиями. В последних Скиф фигурирует как один из первоуродных титанов — потомков Ноя: Ноя до Потопа, согласно псевдо-Берозу, звали Янус, после Потопа Янус-Ной родил Сима, Хама и Иафета; допотопные титаны из греческой мифологии также происходят из рода Януса-Ноя, в том числе Аракса, от нее Скиф²⁵, к которому, в свою очередь, восходит Прут (праотец славян Подунавья? — А. Д.)²⁶. Пращуром же германцев и сарматов (!), согласно псевдо-Берозу, является адаптированный Ноем Туискон (о нем сообщает Тацит), первый правитель Европы [Johannes Appianus Viterbensis, s. 25]. Эти мифические генеалогии разводят сарматов и скифов в этнокультурном плане, но все народы древности оказываются, так или иначе, родственны между собой через единого пращура Ноя и вместе составляют синоптическое древо рода людского.

Безусловно, конкретные сюжеты Сказания имеют каждый собственное происхождение: из Ветхого Завета, из ренессансного синтеза ветхозаветных генеалогий и античных мифов, из сочинений античных авторов, из средневековых западных хроник, из ПВЛ, наверное, и из местных преданий тоже, из московрусской летописной традиции XVI в. (о чем свидетельствует в Сказании августианская легенда), из польских хроник XVI в. (Грамота Александра Македонского — самое очевидное тому подтверждение) и др. Но их комбинация уникальна. Собранные воедино, они транслируют миф преемственности московрусской истории от начала мира, собственно, миф московрусской нации.

Вопрос об источниках Сказания остается для меня открытым, однако в рамках данной статьи — второстепенным. Ему следовало бы посвятить специальное исследование. Уверен, в этом направлении будет еще много открытий.

²⁵ Прародительница скифов в греческой и скифской мифологиях. Ее супруг Геракл победил ее отца — Аракса.

²⁶ В этих генеалогиях Геракл / Геркулес — один из сыновей Туискона. Это среди прочего дало основания Авентину утверждать родство германцев и славян, а все земли от Рейна до Дона рассматривать как Великогерманию, см.: [Доронин 2007].

Вопросы к Сказанию

Сказание порождает массу неудобных констелляций для этатистски ориентированной российской историографии. Многие из них все еще остаются в зоне умолчания. Но обойти их вниманием трудно — они не менее красноречивы, чем программные установки Сказания.

Из наиболее очевидных: автор Сказания релятивизирует ПВЛ, базовый памятник русского летописания. Это объясняется, конечно, тем, что Сказание призвано дать русской истории принципиально иное начало — от ее прямых ветхозаветных предков.

Неудивительно в этой связи, что в Сказании нет места Киеву: не он «мать городов русских», но Словенск и Старая Русса, основанные якобы менее чем через 200 лет после Всемирного потопа и дважды возрожденные впоследствии; от возрожденного (младшим сыном Гостомысла) Словенска / Новгорода «разыдошася кождо с родом своим по широте земли... И тако нача разширяться страна Руская вельми и общим именем прозывахуся». Сказание выстраивает преемственность московрусской древности в обход Киева. На рубеже XVI—XVII вв. Киев для Московии — историко-культурная периферия, давно чужая в политическом отношении; какие-то прагматичные контакты между Киевом и Москвой завяжутся лишь по возобновлении Православной Церкви в Речи Посполитой (1632 г.) при Петре Могиле. Киев не вписывается в московрусский раннемодерный национальный нарратив Сказания — московрусский скорее оппонирует в нем киевскому, спорит за первенство. Именно этим, полагаю, объясняется умолчание Киева в нем и фокус на Новгороде.

Центральный в контексте национального нарратива сюжет Сказания связан с запустениями Словенска, его двукратным и окончательным (после второго возвращения «скифских жителей» с Подунавья на земли «праотец своих») возрождением / новым началом земли Русской, история которой с тех пор не прерывалась: «По мнозе же времени онаго запустения **слышаху Скифстии жители** про беглецы Словенския **о земли прадед своих яко лежит пуста, и никим брегома** (жирным шрифтом здесь и далее выделено мной. — А. Д.), и о сем сжалишася велми и начаша мыслити, какобы им наследити землю отец своих, **и паки пойдоша с Дуная множество их без числа, с ними же Скифы и болгары и иностранцы поидоша на землю Словенскую и Рускую**, и седоша паки близ езера Илмера, **и обновиша град на новом месте** от старого Словенска по Волхову яко поприще и боле, и нарекоша Новград Великий, **и поставиша старейшину князя от роду же своего именем Гостомысла**. Тако же и Русу поставиша на старом месте, **и инии**

гради многи обновиша, и разыдошася кождо с родом своим по широте земли: овии же седоша в полях и нарекошася поляне, сиречь поляки, овии же Мазовшане, овии же Жмутяня, овии же Бужане, по реце Бугу, овии Дреговичи, овии же Кривичи, сиречь Смольяне, овии же Чюдь, инии же Меря, сиречь Ростовцы, инии же Древляне, инии Морава, Серби, Болгари, инии же Севере, инии Лопь, инии же Мордва, инии же Мурома, а инии же в различных именовании прозвахуся» (с. 446–447).

Период от первого запустения Словенска до второго его возрождения — главная лакуна в нарративе о Словене и Русе. На общей шкале европейской истории она приходится на Великое переселение народов. Автору Сказания не на что опереться в связи с этим, в том числе Великопольскую хронику начала XIV в. и польские хроники XVI в., которые в отечественной историографии принято, на мой взгляд, ошибочно считать базовыми для него²⁷. Как было «сохранить» через этот провал непрерывность московрусской истории, исконность пустовавших несколько веков севернорусских земель? И тогда он прибегает к ходу, испытанному в раннемодерной европейской историографии: согласно Сказанию, часть изначального народа (словен и русов) покинула родные места и разошлась «по иным странам, и прозвашася различными проименованиями (! — А. Д.), **овии же паки на Дунав к прежним родом своим на старожитныя страны возвратишася**» (т. е. еще до первого запустения Словенска Подунавье — «старожитные страны» славянские / скифские); а те, кто не ушел далеко от разоренных при первом запустении Словенска и Старой Русы, — «ови на Белья воды, иже ныне зовется Белоозеро, овии на озере Тинном», — «нарекошася Вель» (с. 446). Из этого следует, что и угро-финны — русь, родственная переселенцам с Дуная (вернувшимся после второго запустения Словенска на «землю отец своих» и «обновиша» ее). В такой трактовке земли руси (под которой автор Сказания определенно понимает русь московскую) испокон веков оставались их вотчиной. Заметим, для М. В. Ломоносова этот тезис исконного славянства (руси и угро-финнов) и извечной принадлежности им московрусских земель станет впоследствии фундаментом его «Древней Российской истории».

И, конечно, необходимо скорректировать закрепившееся в новейшей отечественной историографии убеждение, что в Сказании Русь — вернее,

²⁷ К слову, В. Н. Татищев явно воспротивился бы этому мнению, ведь автор Сказания, как подчеркивает В. Н. Татищев, не приводит (в отличие от польских хронистов XVI в.) никого из древних и современных ему хронистов в подкрепление своих раскладов. «Чехи и поляки вымыслили трех братьев: Чеха, Леха и Руса, наш новгородец князя Славена и других странных имен, которые басни от самых тех сложений легко обличаются», — писал Татищев [Татищев 1962, с. 129].

Новгород — выступает общей прародиной славян²⁸. Прародина славян в Сказании — Скифия / Причерноморье; отсюда потомки Скифа мигрировали до Подунавья на запад, до Беломорья на север, до пределов кочевых племен на восток. А рассказ о последовавшем после второго возрождения Словенска расселении — именно его коллеги принимают, вероятно, за свидетельство русского происхождения славянского мира — всего лишь указывает, сколь широко разошлась русь по разным землям (после повторного возрождения Словенска). И необходимо помнить, что во второй раз Словенск возрождали «**Скифы и болгары и иностранцы**». От них и пошла Русь в рост.

Мне непонятно, из чего следует, что Сказание утверждало «главную роль руси и славян если не от Потопа, то со времен Августа», их «центральное место (...) в мировой истории» и «вошедшую в моду заслугами новгородцев идею, что Русь — самая древняя и могучая в мире держава» [Богданов 2019, с. 270]²⁹. Разве сам автор Сказания это декларирует? Какие сюжеты Сказания позволяют руси и славянам от Потопа или, скромнее, от времен Августа претендовать на эту роль? Да и разве о центральном месте в мировой истории впору было думать автору Сказания в послесмутной России? Задача Московской Руси была тогда, определенно, менее притязательной — отстоять свое, закрепиться на новой (полицентричной) исторической карте Европы. Каждая (!) нарождавшаяся тогда нация утверждалась как самодостаточный и авторитетный центр.

В той же мере я ставлю под сомнение тезис, согласно которому Сказание соответствовало «интересам молодой династии Романовых, претендовавшей на роль вершителей судеб славянства» [Думин, Турилов]. Действительно ли новая, не имевшая еще веса в Европе династия в лице ее (выборного) юного царя, принявшего скипетр в дестабилизированной России, в условиях еще не стершейся из памяти народа Смуты претендовала уже «вершить судьбы славянства»? Что может подвигнуть нас на столь амбициозные умозаключения? Да и разве нарратив Сказания пришелся Романовым (в отличие от московских патриархов) ко двору? Очевидно, нет. (Любой (ранне)модерный национальный нарратив жертвует славой династии во славу нации.)

Уместно было бы также задаться вопросом, почему в ранних списках Сказания проигнорирован ветхозаветный сын Иафета / внук Ноя Мосох,

²⁸ Такого мнения придерживается большинство исследователей; см., в частности: [Лаврентьев, Турилов, с. 24; Буланин, Турилов, с. 445; Богданов 2019, с. 253; Акимова, р. 41] и др.

²⁹ А представители молодой гвардии современной российской политологии В. А. Болдин и А. Б. Страхов, изрядно путаясь в источнике и не смущаясь громких заявлений, полагают, что целью Сказания было продемонстрировать «всемирно-историческое значение и величие русского народа» [Болдин, Страхов, с. 185].

фигурирующий в его более поздних версиях (например, в Мазуринском летописце) как первопредок руси / народа словенороссийского. (В редакциях Сказания конца XVII в., а еще раньше в киевском Синописе мы уже наблюдаем попытки примирить нарратив Сказания с мифом о Мосохе [Богданов 2001, с. 59; Доронин 2019, с. 485].) Ведь если исходить из привычной для отечественной историографии интерпретации Сказания как адаптации польских хроник XVI в. (главное — Хроники М. Стрыйковского) к московрусским реалиям, то почему в нем изначально предпочтение было отдано мифическим «князем скифским» Словену и Русу, а не ветхозаветному Мосоху? Мосох как пращур московитов определенно более авторитетен на ветхозаветной шкале потомков Ноя, к тому же он был известен польским авторам как праотец руси еще во второй половине XVI в., а Центральной Европе — раньше, в самом начале XVI в.

В не меньшей степени меня интересует, почему российские коллеги «не замечают» Казардана, брата Скифа из Сказания? Вообще не из одного ли источника (может быть, византийского) он пришел в Сказание о Словене и Русе и в казацкий «хазарский миф»?³⁰

* * *

Разумеется, для раннемодерного национального мифа принципиально не то, что знают о нарождавшейся нации *другие* и как трактуют ее начала, а то, как она сама выстраивает *свой* надрегиональный и надсословный этнокультурный нарратив. И в этом смысле Сказание самобытно. И пусть его составляющие — сюжеты заемные, хорошо известные, безусловно центральные в мировой истории, композиционно эта компиляция оригинальна и самодостаточна *per se*, как самодостаточна нация, которую этот миф утверждает.

Главное — понять, почему народам Европы, включая московитов, понадобилось в раннее Новое время новое прочтение *своего*, новое начало (точка отсчета задает вектор), новые линии исторической преемственности — мифические.

Отечественная историография и сегодня преимущественно сконцентрирована на истории государства Российского. Этот императив позволяет ей

³⁰ Правда, я могу привести в этой связи лишь сообщение анонимного персидского текста «Моджмал ат-таварих» (1126): «Рассказывают также, что Рус и Хазар были от одной матери и отца. Затем Рус вырос и, так как не имел места, которое ему пришлось бы по душе, написал письмо Хазару и попросил у того часть его страны, чтобы там обосноваться. Рус искал и нашел место себе. Остров не большой и не маленький, с болотистой почвой и гнилым воздухом; там он и обосновался» [Новосельцев, с. 305].

с известными оговорками и допущениями, игнорируя смену исторической парадигмы в Европе на рубеже XV—XVI вв. и разность исторических судеб разной руси на протяжении веков после монгольского нашествия, настаивать на исторической, политической и культурной преемственности Руси / руси от Рюриковичей, Крещения и ПВЛ. Но история не сводится к истории государств, а государство не является целью и оправданием любой истории. У нее много уровней и дискурсов *своего*. Один из них — этнокультурный. Как первый московрусский раннемоде́рный национальный, а не государственно-династический нарратив и должно быть прочитано Сказание.

Странно противопоставлять Сказание и «надежные свидетельства источников XI—XII вв.» [Сиренов, с. 190—191]. С момента появления Сказания по сей день мы отнюдь не отказались от его схемы российской древности, уходящей корнями в античность, а лишь верифицировали ее, скорректировали, наполнили более или менее выверенным знанием, все так же утверждая славян, а с ними русь как можно глубже в мировой истории³¹. Сказание лежит у истоков российской национальной (не имперской!) историографии.

Любая современная нация рождается сначала как миф / воображаемая реальность — дискурс надрегиональной этнокультурной общности, *a priori* самобытной и преемственной. Понятая по-модернистски как «воображаемое сообщество» (*imagined community*, Б. Андерсон), или же как идентичность, претендующая на собственную общую историю (К. Дойч), или как общность с единым этнокультурным кодом (Э. Смит), или как добровольная самоидентификация на основе общего наследия (Э. Геллнер) и т. п., современная нация ставит нас перед вопросом о нормативной универсальной (в рамках Европы) парадигме ее исторической легитимации. И в этом смысле раннемоде́рный (этнокультурный) миф нации — *conditio sine qua non*.

Если облечь современную нацию в хрестоматийную формулу Эрнеста Ренана — «*un plébiscite de tous les jours*», — она подразумевает постоянное переписывание самой себя / линий континуитета *своего* сообразно актуальной политической, идейной и культурной конъюнктуре современности. Но сначала эта идея надрегиональной этнокультурной общности должна была состояться / дискурсивно вызреть, найти в противовес *другим / чужим* собственные начала в единой системе европейских историко-культурных координат. Эта система координат манифестирует Новое время.

³¹ Я вовсе не имею при этом в виду дилетантские спекуляции о древних москах, Аркаиме, Руси волхвов и проч. Подтверждение тому я вижу во вполне академической серии «Древняя Русь в свете зарубежных источников».

Сказание о Словене и Русе нужно интерпретировать как свидетельство рождения на свет московрусской модерной нации. И хотя мифы Сказания были обречены впоследствии кануть в Лету, сам миф московрусской нации, укорененной от начала времен и своеобразной, жив и сегодня. Но он оказался инструментализирован и подчинен имперским нарративом.

Надеюсь, это лишь начало дискуссии на заданную тему, а не точка в ней.

Литература

- Акимова — *Акимова О.* Славянские древности в трудах Юрия Крижанича // *Slovo. Sv.* 56–57 (2006–2007). Zagreb, 2008. P. 39–56.
- Бовгиря 2017 — *Бовгиря А. М.* «Хозары во казаки именуются посем»: этногенетические концепты в украинских текстах XVII—XVIII вв. // *Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не)единства* / Отв. сост., отв. ред. серии А. В. Доронин. М.: РОССПЭН, 2017. С. 291–306.
- Бовгиря 2018 — *Бовгиря А. М.* Представление о своей земле в исторических нарративах Гетманщины второй половины XVII — XVIII в. // *Нарративы руси конца XV — середины XVIII в.* / Отв. сост., отв. ред. серии А. В. Доронин. М.: РОССПЭН, 2018. С. 293–310.
- Бовгиря 2019 — *Бовгиря А. М.* «Украина обоих берегов Днепра»: Гетманщина конца XVII — XVIII в. и дискурс единой отчизны // «Места памяти» руси конца XV — середины XVIII в. / Отв. сост., отв. ред. серии А. В. Доронин. М.: РОССПЭН, 2019. С. 378–397.
- Богданов 2001 — *Богданов А. П.* Московская публицистика последней четверти XVII в. М.: Ин-т российской истории РАН, 2001. 494 с.
- Богданов 2019 — *Богданов А. П.* Русь от Новгорода, Новгород от Ноя: новгородский вклад в общерусское летописание XVII в. // *Novogardia.* 2019. № 2. С. 252–279.
- Бойцов — *Бойцов М. А.* «Центры» и «периферии» как субъективные переживания исследователей и исследуемых // *Центры и периферии европейского мироустройства* / Отв. сост. А. В. Доронин. М.: РОССПЭН, 2014. С. 50–86.
- Болдин, Страхов — *Болдин В. А., Страхов А. Б.* Национальное vs общеславянское в русских источниках XVII века // *Диалог со временем.* 2020. Вып. 71. С. 182–191.
- Буганов, Рогожин — *Буганов В. И., Рогожин Н. М.* Краткий московский летописец начала XVII в. из г. Галле (Германия) // *Архив русской истории: Сб. РГАДА. М.: Древлехранилище, 2007. Вып. 8. С. 519–573.*
- Буланин, Турилов — *Буланин Д. М., Турилов А. А.* Сказание о Словене и Русе // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. Вып. 3, ч. 3. С. 444–447.
- Гольдберг — *Гольдберг А. Л.* Легендарная повесть XVII в. о древнейшей истории Руси // *ВИД. Л., 1982. Т. 13. С. 50–63.*
- Доронин 2003 — *Доронин А. В.* Миф и национальное историописание в культуре Возрождения в Германии // *Миф в культуре Возрождения* / Ред. Л. М. Брагина. М.: Наука, 2003. С. 198–209.

- Доронин 2007 — Доронин А. В. Историк и его миф: Иоганн Авентин (1477–1534). М.: РОССПЭН, 2007. 255 с.
- Доронин 2011 — Доронин А. Миф нации: приглашение к дискуссии // Вестник Удмуртского университета. Ижевск, 2011. Вып. 3: (История и филология). С. 146–152.
- Доронин 2012 — Доронин А. В. Post diluvium. К истории одной (не)удавшейся фальсификации // Историческая память в культуре Возрождения / Отв. ред. Л. М. Брагина. М.: РОССПЭН, 2012. С. 128–140.
- Доронин 2015 — Доронин А. В. Падение Константинополя в 1453 году и турецкая угроза в ренессансной публицистике // Новая и новейшая история. 2015. № 3. С. 3–25.
- Доронин 2018 — Доронин А. В. Европа рубежа XV–XVI вв.: на пороге новой истории (взгляд с Запада) // Нарративы руси конца XV — середины XVIII вв.: в поисках своей истории / Отв. сост., отв. ред. серии А. В. Доронин. М.: РОССПЭН, 2018. С. 16–58.
- Доронин 2019 — Доронин А. В. О Мосохе, «праотце российском» // «Места памяти» руси конца XV — середины XVIII в. / Отв. сост., отв. ред. серии А. В. Доронин. М.: РОССПЭН, 2019. С. 480–512.
- Древняя Русь — Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Сост. М. В. Бибииков. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. Т. 2. 384 с.
- Дуйчев — Дуйчев И. Славяни — скити // Slavia. 1960. № 29. С. 109–114.
- Думин, Турилов — Думин С. В., Турилов А. А. «Откуда есть пошла Русская земля?» // История Отечества: люди, идеи, решения: Очерки истории России IX — нач. XX в. / Сост. С. В. Мироненко. М.: Политиздат, 1991. 371 с.
- Изборник — Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции / Собрал и издал Андрей Попов. М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1869. 541 с.
- Карамзин — Карамзин Н. М. Примечания к I тому Истории государства Российского // Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб.: Изд. И. Эйнерлинга, 1842. Кн. 1, т. 1. С. 1–150.
- Лаврентьев, Турилов — Лаврентьев А. В., Турилов А. А. «Повесть о Словене и Русе» («Сказание о Великом Словенске») о происхождении и ранней истории славян и руси // Славяне и их соседи: Миф и история. Происхождение и ранняя история славян в общественном сознании позднего средневековья и раннего Нового времени. Тезисы 15 конференции. М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1996. С. 19–25.
- Лурье — Лурье Я. С. История России в летописании и восприятии Нового времени // Россия Древняя и Россия Новая (избранное). СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 405 с.
- Мазуринский летописец — Мазуринский летописец // ПСРЛ. М.: Наука, 1968. Т. 31: Летописцы последней четверти XVII в. С. 11–179.
- Мареш — Мареш В. Ф. Раннее свидетельство теории о скифском происхождении славян на Руси и на Балканах // Cyrillomethodianum. 1984. Т. 8/9. С. 37–47.
- Мыльников 1996 — Мыльников А. С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI — начала XVIII в. СПб.: Slavica Petropolitana, 1996. 314 с.

- Мыльников 1999 — *Мыльников А. С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Представления об этнической номинации и этничности XVI — начала XVIII века. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 400 с.
- Николаева — *Николаева М. В.* О некоторых источниках «Подробной летописи» («Синописис», «Сказание о граде Славенске») // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1969. Т. 24. С. 344–348.
- Новосельцев — *Новосельцев А. П.* Восточные источники о восточных славянах и руси VI–IX вв. // Древнейшие государства Восточной Европы: 1998 год: Памяти чл.-корр. РАН А. П. Новосельцева / Отв. ред. тома Т. М. Калинина. М.: Восточная литература, 1998. С. 264–323.
- Носов — *Носов Е. Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л.: Наука, 1990. 216 с.
- О истории — О истории еже о начале Руския земли и создании Новаграда и откуду влечашеся род Словенских князей, а во иных гранографех сия повесть не обретається // Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции / Собрал и издал Андрей Попов. М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1869. С. 442–447.
- Очерки истории исторической науки в СССР — Очерки истории исторической науки в СССР / Под ред. М. Н. Тихомирова. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 1. 692 с.
- Очерки русской культуры — Очерки русской культуры XVII века. М.: МГУ, 1979. Ч. 2. 344 с.
- Петрухин — *Петрухин В. Я.* Русь в IX–X вв. От призвания варягов до выбора веры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Форум; Неолит, 2014. 464 с.
- Пештич — *Пештич С. Л.* Русская историография XVIII века. Л.: Изд-во ЛГУ, 1961. Ч. 1. 344 с.
- Плохий — *Плохий С. Н.* Происхождение славянских наций: Домодерные идентичности в Украине и России. Харьков: Фолио, 2018. 202 с.
- Повесть временных лет — Повесть временных лет // ПЛДР. М.: Худож. лит., 1978. Т. 1: Начало русской литературы: XI — начало XII века / Вступ. ст. Д. С. Лихачева; сост. и общ. ред.: Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев. С. 22–227.
- Ромодановская — *Ромодановская Е. К.* Русская литература на пороге нового времени: пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск: Наука, 1994. 231 с.
- Рыбаков — *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 361 с.
- Сиренов — *Сиренов А. В.* О феномене удревнения городов в России постсоветского периода // Историческая экспертиза. 2017. № 4. С. 185–193.
- Стефанович — *Стефанович П. С.* «Славянороссийский народ» в исторической литературе Украины и России XVII — первой половины XVIII в. // Slověne. 2019. Vol. 9, № 2. С. 417–447.
- Татищев 1769 — *Татищев В. Н.* История Российская с самых древнейших времен. М.: Напеч. при Имп. Московском ун-те, 1769. Кн. 1, ч. 2. [4], 225–600 с.
- Татищев 1962 — *Татищев В. Н.* История Российская. М.; Л.: Наука, 1962. Т. 1. 500 с.
- Українська поезія — Українська поезія. Середина XVII ст. / Упоряд. В. І. Крекотень, М. М. Сулима. Київ: Наукова думка, 1992. Кн. 1. 600 с.
- Українські гуманісти — Українські гуманісти епохи Відродження. Київ: Наукова думка; Основи, 1995. Ч. 1. 431 с.

- Auentinus — Johannes Auentini Beyerische Chronika. Frankfurt am Mayn, MDLXVI.
- Baffioni — *Baffioni G.* Annio da Vitterbo, documenti e ricerche. Roma: Consiglio nazionale delle ricerche, 1981. 342 p.
- Borchardt — *Borchardt F. L.* German antiquity in Renaissance myth. Baltimore and London: The Johns Hopkins Press, 1971. 356 p.
- Carion — *Carion J.* Chronica Carionis. Wittenberg: Ex officina haeredum Georgii Rhavv, 1560. 584 p.
- Cochlaeus — *Cochlaeus J.* Brevis Germaniae descriptio (1512) / Hrsg., übers. und komment. von Karl Langosch. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1976.
- Doronin 2012 — *Doronin A.* Auf der Suche nach der eigenen Nation. Johannes Aventinus und Michail V. Lomonosov im Vergleich // Bayern und Rußland in vormoderner Zeit. Annäherungen bis in die Zeit Peters des Großen / Hrsg. von A. Schmid. München: Beck, 2012. S. 125–163.
- Doronin 2013a — *Doronin A.* „baierisch nam, das römisch reich, die ganz christenheit“: das Regionale, das Nationale und das Universale bei Aventin // Historiographie des Humanismus. Literarische Verfahren, soziale Praxis, geschichtliche Räume / Hrsg. von J. Helmraath, A. Schirrmeister, S. Schlelein. Berlin: De Gruyter, 2013. S. 123–150.
- Doronin 2013b — *Doronin A.* Wie moderne Nationalmythologien die ersten Nationen Osteuropas formten // Weltweit vor Ort. Magazin Max Weber Stiftung, 2013. Nr. 1. S. 31–33.
- Doronin, 2014 — *Doronin A.* „Russland hält dem Vergleich zu allen anderen europäischen Nationen stand“: Lomonossow als Historiker // Europa und die Moderne im langen 18. Jahrhundert (= Europa und Moderne. Bd. 2) / Hrsg. von Olaf Asbach. Hannover: Wehrhahn Verlag, 2014. S. 219–244.
- Doronin, 2016 — *Doronin A.* Die Alte Rus': wessen Geschichte? // Weltweit vor Ort: Magazin der Max Weber Stiftung. 2016. Nr. 1: Die Gegenwart des Mittelalters. S. 16–20.
- Helmraath — *Helmraath J.* Die Umprägung von Geschichtsbildern in der Historiographie des europäischen Humanismus // Von Fakten und Fiktionen. Mittelalterliche Geschichtsdarstellungen und ihre kritische Aufarbeitung / Hrsg. von J. Laudage. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2003. S. 323–352.
- Hirschi — *Hirschi C.* Wettkampf der Nationen: Konstruktionen einer deutschen Ehrgemeinschaft an der Wende vom Mittelalter zur Neuzeit. Göttingen: Wallstein Verlag, 2005. 555 S.
- Johannes Annius Viterbensius — Johannes Annius Viterbensius recte Giovanni Nanni (1432—1502). Commentaria & editiones / Hrsg. von A. Sommer. Wien, 2004 (2 Bde). Bd. 2. 123 S.
- Lehr — Lehr T. Was nach der Sintflut wirklich geschah. Die Antiquitates des Annius von Viterbo und ihre Rezeption in Deutschland im 16. Jahrhundert. Frankfurt a. M., 2012. 412 S.
- Münkler, Grünberger — Münkler H., Grünberger H. Nationale Identität im Diskurs der deutschen Humanisten // Nationales Bewusstsein und kollektive Identität / Hrsg. von Helmut Berding. Frankfurt a. M., 1994. S. 165—180.
- Münkler, Grünberger, Mayer — *Münkler H., Grünberger H., Mayer K.* Nationenbildung. Die Nationalisierung Europas im Diskurs humanistischer Intellektueller. Italien und Deutschland. Berlin: Akademie Verlag, 1998. 350 S.

Weiss — Weiss R. *The Renaissance Discovery of Classical Antiquity*. Oxford: Basil Blackwell, 1969. 222 P.

References

- Akimova, O. (2008). 'Slavyanskie drevnosti v trudakh Yuriya Krizhanicha', *Slovo* (Zagreb), 56–57 (2006–2007), 39–56.
- Baffioni, G. (1981). *Annio da Viterbo, documenti e ricerche*. Roma: Consiglio nazionale delle ricerche, 342 p.
- M. V. Bibikov, ed. *Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov. Khrestomatiya*. Moscow: Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke, 2010. Vol. 2, 384 p.
- Bogdanov, A. P. (2001). *Moskovskaya publitsistika poslednei chetverti 17 veka*. Moscow: Institut Rossiiskoi istorii Rossiiskoi akademii nauk, 494 p.
- Bogdanov, A. P. (2019). 'Rus' ot Novgoroda, Novgorod ot Noya: novgorodskii vklad v obshcherusskoe letopisanie 17 veka', *Novogardia*, 2, 252–279.
- Boitsov, M. A. (2014). "'Tsenry" i "periferii" kak sub"ektivnye perezhivaniya issledovatelei i issleduemyykh', in: A. V. Doronin, ed. *Tsenry i periferii evropeiskogo miroustroistva*. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya, 50–86.
- Boldin, V. A., Strakhov, A. B. (2020). 'Natsional'noe vs obshcheshlavlyanskoe v russkikh istochnikakh XVII veka', in: *Dialog so vremenem*. Vol. 71, 182–191.
- Borchardt, F. L. (1971). *German antiquity in Renaissance myth*. Baltimore and London: The Johns Hopkins Press, 356 p.
- Bovgirya, A. M. (2017). "'Khozary vo kozaki imenuyutsya posem": etnogeneticheskie koncepty v ukrainskikh tekstakh 17—18 vekov', in: A. V. Doronin, ed. *Drevnyaya Rus' posle Drevnei Rusi: diskurs vostochnoslavlyanskogo (ne)edinstva*. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya, 291–306.
- Bovgirya, A. M. (2019). "'Ukraina oboikh beregov Dnepra": Getmanshchina kontsa 17 — 18 veka i diskurs edinoy otchizny', in: A. V. Doronin, ed. *"Mesta pamyati" rusi kontsa 15 — serediny 18 veka*. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya, 378–397.
- Bovgirya, A. M. (2018). 'Predstavlenie o svoei zemle v istoricheskikh narrativakh Getmanshchiny vtoroi poloviny 17 — 18 veka', in: A. V. Doronin, ed. *Narrativy rusi kontsa 15 — serediny 18 veka: v poiskakh svoei istorii*. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya, 293–310.
- Buganov, V. I., Rogozhin, N. M. (2007). Kratkii moskovskii letopisets nachala 17 veka iz goroda Galle (Germaniya), in: *Arkhiv russkoi istorii*. Saint Petersburg: Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov; Moscow: Drevlekhranilishche. Vol. 8, 519–573.
- Bulanin, D. M., Turilov, A. A. (1998). 'Skazanie o Slovene i Ruse', in: *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin. Vol. 3, 3, 444–447.
- Carion, J. (1560). *Chronica Carionis*. Wittenberg: Ex officina haeredum Georgii Rhavv, 584 p.
- Cochlaeus, J. (1976). *Brevis Germaniae descriptio (1512)*. Hrsg., übers. und komment. von Karl Langosch. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- Doronin, A. V. (2003). 'Mif i natsional'noe istoriopisanie v kul'ture Vozrozhdeniya v Germanii', in: L. M. Bragina, ed. *Mif v kul'ture Vozrozhdeniya*. Moscow: Nauka, 198–209.
- Doronin, A. V. (2007). *Istoriik i ego mif: Iogann Aventin (1477–1534)*. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya, 255 p.

- Doronin, A. (2011). 'Mif natsii: priglashenie k diskussii', *Vestnik Udmurtskogo universiteta*. Izhevsk. Vol. 3: (Istoriya i filologiya), 146–152.
- Doronin, A. (2012). 'Auf der Suche nach der eigenen Nation. Johannes Aventinus und Michail V. Lomonosov im Vergleich', in: *Bayern und Rußland in vormoderner Zeit. Annäherungen bis in die Zeit Peters des Großen*. Hrsg. von A. Schmid. München: Beck, 125–163.
- Doronin, A. V. (2012). 'Post diluvium. K istorii odnoi (ne)udavsheysya fal'sifikatsii', in: L. M. Bragina, ed. *Istoricheskaya pamyat' v kul'ture Vozrozhdeniya*. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya, 128–140.
- Doronin, A. (2013). '„baierisch nam, das römisch reich, die ganz christenheit“: das Regionale, das Nationale und das Universale bei Aventin', in: *Historiographie des Humanismus. Literarische Verfahren, soziale Praxis, geschichtliche Räume*. Hrsg. von J. Helmraht, A. Schirrmeyer, S. Schlelein. Berlin: De Gruyter, 123–150.
- Doronin, A. (2013). 'Wie moderne Nationalmythologien die ersten Nationen Osteuropas formten', *Weltweit vor Ort. Magazin Max Weber Stiftung*, 1, 31–33.
- Doronin, A. (2014). '„Russland hält dem Vergleich zu allen anderen europäischen Nationen stand“: Lomonossov als Historiker', in: *Europa und die Moderne im langen 18. Jahrhundert (= Europa und Moderne. Bd. 2)*. Hrsg. von Olaf Asbach. Hannover: Wehrhahn Verlag, 219–244.
- Doronin, A. V. (2015). 'Padenie Konstantinopolya v 1453 godu i turetskaya ugroza v renessansnoi publitsistike', *Novaya i noveishaya istoriya*, 3, 3–25.
- Doronin, A. (2016). 'Die Alte Rus': wessen Geschichte?', *Weltweit vor Ort. Magazin der Max Weber Stiftung*, 1: Die Gegenwart des Mittelalters, 16–20.
- Doronin, A. V. (2018). 'Evropa rubezha 15–16 vekov: na poroge novoi istorii (vzglyad s Zapada)', in: *Narrativy rusi kontsa 15 — serediny 18 veka: v poiskakh svoei istorii*. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya, 16–58.
- Doronin, A. V. (2019). 'O Mosokhe, "praottse rossiiskom"', in: A. V. Doronin, ed. *"Mesta pamyati" rusi kontsa 15 — serediny 18 veka*. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya, 480–512.
- Duichev, I. (1960). 'Slavyani — skiti', *Slavia*, 29, 109–114.
- Dumin, S. V., Turilov, A. A. (1991). "'Otkuda est' poshla Russkaya zemlya?'"', in: S. V. Mironenko, ed. *Istoriya Otechestva: lyudi, idei, resheniya: Ocherki istorii Rossii 9 — nachala 20 veka*. Moscow: Politizdat, 371 p.
- Gol'dberg, A. L. (1982). 'Legendarnaya povest' XVII veka o drevneishei istorii Rusi', in: *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny*. Leningrad: Nauka. Vol. 13, 50–63.
- Helmraht, J. (2003). 'Die Umprägung von Geschichtsbildern in der Historiographie des europäischen Humanismus', in: *Von Fakten und Fiktionen. Mittelalterliche Geschichtsdarstellungen und ihre kritische Aufarbeitung*. Hrsg. von J. Laudage. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 323–352.
- Hirschi, C. (2005). *Wettkampf der Nationen: Konstruktionen einer deutschen Ehrgemeinschaft an der Wende vom Mittelalter zur Neuzeit*. Göttingen: Wallstein Verlag, 555 S.
- Johannes Annius Viterbensius recte Giovanni Nanni (1432—1502). (2004). *Commentaria & editiones*. 2 Bde. Hrsg. von A. Sommer. Wien, Bd. 2, 123 S.
- Johannes Auentini Beyerische Chronika. Frankfurt am Mayn, MDLXVI.

- Karamzin, N. M. (1842). 'Primechaniya k I tomu Istorii gosudarstva Rossiiskogo', in: Karamzin, N. M. *Istoriya gosudarstva Rossiiskogo*. Saint Petersburg: Izdanie I. Einerlinga. Vol. 1, 1, 1–150.
- V. I. Krekoten', M. M. Sulima, eds. (1992). *Ukrains'ka poeziya. Seredina 17 stoletiya*. Kyiv: Naukova dumka. Vol. 1, 600 p.
- Lavrent'ev, A. V., Turilov, A. A. (1996). "Povest' o Slovene i Ruse" ("Skazanie o Velikom Slovenske") o proiskhozhdenii i rannei istorii slavyan i rusi', in: *Slavyane i ikh sosedi: Mif i istoriya. Proiskhozhdenie i rannyya istoriya slavyan v obshchestvennom soznanii pozdnego srednevekov'ya i rannego Novogo vremeni. Tezisy 15 konferentsii*. Moscow: Institut slavyanovedeniya i balkanistiki Rossiiskoi akademii nauk, 19–25.
- Lehr, T. (2012). *Was nach der Sintflut wirklich geschah. Die Antiquitates des Annius von Viterbo und ihre Rezeption in Deutschland im 16. Jahrhundert*. Frankfurt a. M., 412 S.
- D. S. Likhachev, L. A. Dmitriev, eds. 'Povest' vremennykh let' (1978), in: *Pamyatniki literatury Drevnei Rusi*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. Vol. 1 (Nachalo russkoi literatury: XI — nachalo XII veka), 22–227.
- Lur'e, Ya. S. (1997). 'Istoriya Rossii v letopisanii i vospriyatii Novogo vremeni', in: *Rossiya Drevnyaya i Rossiya Novaya (izbrannoe)*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 405 p.
- Maresh, V. F. (1984). 'Ranee svidetel'stvo teorii o skifskom proiskhozhdenii slavyan na Rusi i na Balkanakh', *Cyryllomethodianum*, 8/9, 37–47.
- 'Mazurinskii letopisets' (1968), in: *Polnoe sobranie russkikh letopisei*. Moscow: Nauka. Vol. 31 (Letopisty poslednei chetverti 17 veka), 11–179.
- Münkler, H., Grünberger, H. (1994). 'Nationale Identität im Diskurs der deutschen Humanisten', in: *Nationales Bewusstsein und kollektive Identität*. Hrsg. von Helmut Berding. Frankfurt a. M., 165–180.
- Münkler, H., Grünberger, H., Mayer, K. (1998). *Nationenbildung. Die Nationalisierung Europas im Diskurs humanistischer Intellektueller. Italien und Deutschland*. Berlin: Akademie Verlag, 350 S.
- Myl'nikov, A. S. (1996). Kartina slavyanskogo mira: vzglyad iz Vostochnoi Evropy: Etnogeneticheskie legendy, dogadki, protogipotezy 16 — nachala 18 veka. Saint Petersburg: Slavica Petropolitana, 314 p.
- Myl'nikov, A. S. (1999). *Kartina slavyanskogo mira: vzglyad iz Vostochnoi Evropy. Predstavleniya ob etnicheskoi nominatsii i etnichnosti 16 — nachala 18 veka*. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 400 p.
- Nikolaeva, M. V. (1969). 'O nekotorykh istochnikakh "Podrobnoi letopisi" ("Sinopsis", "Skazanie o grade Slavenske")', in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Leningrad: Nauka. Vol. 24, 344–348.
- Nosov, E. N. (1990). *Novgorodskoe (Ryurikovo) gorodishche*. Leningrad: Nauka, 216 p.
- Novosel'tsev, A. P. (1998). 'Vostochnye istochniki o vostochnykh slavyanakh i rusi 6–9 vekov', in: T. M. Kalinina, ed. *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy: 1998 god: Pamyati chlena-korrespondenta Rossiiskoi akademii nauk A. P. Novosel'tseva*. Moscow: Vostochnaya literatura, 264–323.
- 'O istorii ezhe o nachale Ruskiya zemli i sozdanii Novagrada i otkudu vlechashesya rod Slovenskikh knyazei, a vo inykh granografekh siya povest' ne obretaetsya' (1869),

- in: A. Popov, ed. *Izbornik slavyanskikh i russkikh sochinenii i statei, vnesennykh v khronografy russkoi redaktsii*. Moscow: Tipografiya A. I. Mamontova, 442–447.
- Ocherki russkoi kul'tury 17 veka (1979)*. Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi universitet. Vol. 2, 344 p.
- Peshtich, S. L. (1961) *Russkaya istoriografiya 18 veka*. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ch. 1, 344 p.
- Petrukhin, V. Ya. (2014). *Rus' v 9–10 vekov. Ot prizvaniya varyagov do vybora very*. 2-e izd., ispravlennoe i dopolnennoe. M.: Forum; Neolit, 464 p.
- Plokhii, S. N. (2018). *Proiskhozhdenie slavyanskikh natsii. Domodernye identichnosti v Ukraine i Rossii*. Khar'kov: Folio, 202 p.
- A. Popov, ed. (1869). *Izbornik slavyanskikh i russkikh sochinenii i statei, vnesennykh v khronografy russkoi redaktsii*. Moscow: Tipografiya A. I. Mamontova, 541 p.
- Romodanovskaya, E. K. (1994). *Russkaya literatura na poroge novogo vremeni: puti formirovaniya russkoi belletristiki perekhodnogo perioda*. Novosibirsk: Nauka, 231 p.
- Rybakov, B. A. (1963). *Drevnyaya Rus': Skazaniya. Byliny. Letopisi*. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 361 p.
- Sirenov, A. V. (2017). 'O fenomene udrevneniya gorodov v Rossii postsovetskogo perioda', *Istoricheskaya ekspertiza*, 4, 185–193.
- Stefanovich, P. S. (2019). "'Slavyanorossiiskii narod" v istoricheskoi literature Ukrainy i Rossii 17 — pervoi poloviny 18 veka', *Slověne*. Vol. 9, 2, 417–447.
- Tatishchev, V. N. (1769). *Istoriya Rossiiskaya s samykh drevneishikh vremen*. Moscow: Napechatano pri Imperatorskom Moskovskom universitete. Vol. 1, 2, 379 p.
- Tatishchev, V. N. (1962). *Istoriya Rossiiskaya*. Moscow, Leningrad: Nauka. Vol. 1, 500 p.
- M. N. Tikhomirov, ed. (1955). *Ocherki istorii istoricheskoi nauki v SSSR*. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 1, 692 p.
- Ukrains'ki humanisti epokhi Vidrozhennya* (1995). Kyiv: Naukova dumka; Osnovi. Vol. 1, 431 p.
- Weiss, R. (1969). *The Renaissance Discovery of Classical Antiquity*. Oxford: Basil Blackwell, 222 p.